

Михаил Мазель

Монологи с Макаревичем

Михаил Мазель

Монологи с Макаревичем

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958871
ISBN 978-5-4474-2620-0*

Аннотация

Однажды Андрея Макаревича спросили, кто повлиял на него в детстве. Он ответил, что Булат Окуджава и группа «Битлз». Если мне зададут подобный вопрос, я отвечу – Булат Окуджава и группа «Машина Времени». Эта книга – рассказ о моём творческом формировании. С одной стороны – поэтический сборник. С другой – истории из моей жизни с десятилетнего возраста. И стихи и истории, так или иначе, связаны с творчеством Андрея Макаревича. Но эта книга не о нём и не о его группе, а обо мне и о «моём времени».

Содержание

Петля Мёбиуса	7
Линейная зависимость	10
Вместо вступления	12
И легкий ветер по морю	12
Там где	17
Правильное одиночество	18
Не сгоряча	23
О снах и о волнах	25
Засияет месяц в облаках	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

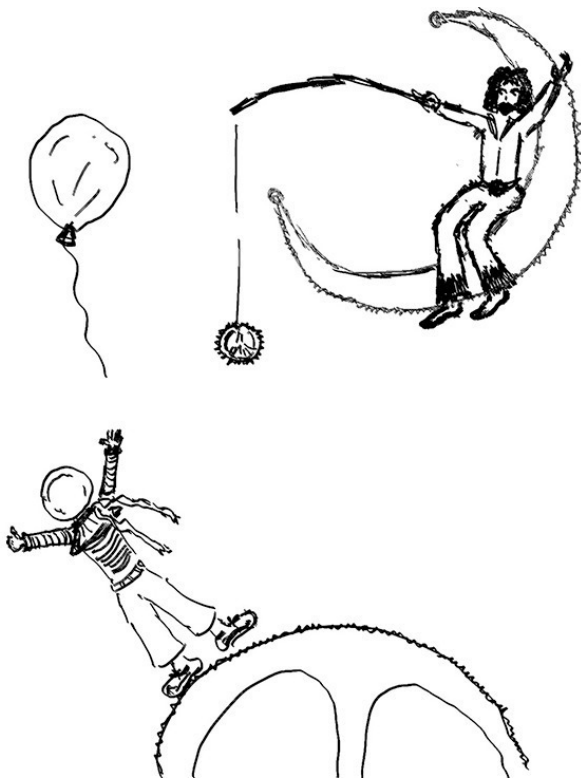
Монологи с Макаревичем

Михаил Мазель

*Андрею Макаревичу
и всем, кого люблю*

© Михаил Мазель, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

*«Нам уготовано, мальчик мой,
Легкое это бремя
Двигаться вдоль по одной прямой,
Имя которой Время.»*

Андрей Макаревич

© Михаил Мазель, текст, 1990 – 2014

© Михаил Мазель, иллюстрации, 2014

© Михаил Мазель, оформление, 2014

Приобрести другие книги;

Для контактов: <http://www.mikhailmazel.ru>

Петля Мёбиуса

*Ещё один прохожий у дороги
застыл, такой похожий на меня.
Он улыбнётся и посмотрит строго,
не требуя полцарства за коня.
И, теребя тесёмки капюшона,
приветствуя его движеньем губ,
не предложу полцарства предрешиённо,
не осознав пока сию игру.
Не сомневаюсь в странности момента.
Я знаю, что он смотрит в спину мне.
Дорога не устанет виться лентой
среди шарады устланных камней.
Пора бы и понять и примириться
с бессмысленностью тщетной той борьбы.
Возможно, с ним мне лучше было слиться...
Не оттого ль сейчас в душе свербит?
Он встретится на новом повороте:
такой же молчаливый и чудной,
спешащий на работу, иль с работы...
(Похоже, мы во многом заодно).
Как день и ночь.*

Как «да» и «нет».

Как чёт и нечет...

Воспитанники призрачной петли.

Да утром будет чуточку полегче...

Но силуэт опять возник вдали.

И не поняв, что ночь опять пророчит,

догадываюсь вновь в преддверии дня,

что незнакомец, видящийся точкой,

никто иной, как я, вчерашний я.

Не потому ль хожу я очень быстро,

чтобы не встретить

завтрашний свой взгляд?..

Рассвет ворвётся, словно дальний выстрел.

Не потому... Не вопреки. Возможно, – для.

23 декабря 2006 года

Я уже закончил собирать эту книгу. Я уже закончил её вычитывать, когда понял, вернее, почувствовал, что в ней не хватает двух стихотворений и этой преамбулы.

Нескончаемый Мёбиус, льющийся среди пустоты... Нескончаемый Мёбиус?.. Цитирую – сам себя.

Нескончаемый Мёбиус... Склеиваю окончание и начало книги, замыкая линию повествования, воспоминаний, строк.

Линию? Да, – линию. Моя книжка, в некотором смысле – линия: линия, и точки на ней – остановки поезда.

Осторожно, двери закрываются, следующая остановка детство.

Осторожно, двери закрываются. Поезд отправляется. Он проследует... Он проследует через стихи и воспоминания,

через грусть и радость, потери и находки. Он будет останавливаться, и его остановки будут отмечены точками на линии, и эти точки не будут распределены равномерно, а города-годы по пути его следования будут сверкать, когда окнами, а когда и... осколками этих окон.

А что же было там, где поезд не останавливался? Да тоже самое. Жизнь, учёба, работа, поиск, боль, радость, пустота, любовь... Дорога. Нет, не осколки: мозаика.

Дорогой читатель, остановки на пути следования нашего поезда «названы» просто годами, но книга эта – не дневник и не мемуары. Как видно из её названия, – это книга монологов и стихотворений, которые, впрочем, те же монологи.

Но что же это тогда за линия такая? Время? Музыка? Волна? Дорога? Не знаю... Может быть любовь?

Линейная зависимость

Эта линия проходит через дом,
через город, через годы: от и до.
Убегая, ветром прячется в кустах.
Оживает тихим шелестом листа.
Переходит вязью в девственный узор.
Размывается неожиданною слезой.
Распускается под утро снова в нить
и пытается концы соединить.
Эта линия... сегодня и вчера
Рисовала ночи, дни и вечера,
замыкала вздохом мыслей грустных круг
и рвала его сама потом не вдруг.
И опять мечтой тянулась на вокзал,
распластавшись стуком в рельсах вновь везла,
заплеталась дымом в строчках проводов,
телеграммы людям шлющих от и до.

А потом, шепча, сулила мне: «Бери!...» —
заводя на самом деле в лабиринт,
но сама неожиданно делалась клубком,
выводя опять из тьмы на свет легко.
И куда бы снова после я не шёл,
эта линия в одежд вплеталась шёлк,
проникала быстрым почерком в стихи,

лба касалась завитком опять лихим.
Эта линия проходит через стол.
Эта линия проходит через толк.
С ней не только я – извечный новосёл:
эта линия проходит через всё.
Подними, мой друг, от ног скорей глаза,
и шагни вперёд не зная, что там за...
Эта линия, похоже, вновь бежит.
Потому ли подстаканник дребезжит?

29 июня 2004 года

Вместо вступления

И легкий ветер по морю гнал мелкую волну

Мир состоит из очень простых вещей. Мир состоит из мамы и папы. Деревя во дворе, с которого впервые упал и получил нагоняй за порванные штаны. Из велика и салочек. Из ножичков и вышибал. Из прятков и «войны» (до поры до времени). Из бабушки, приезжающей по будням, дарящей тепло и заботу и спасающей от нелюбимого до слёз детсада. Из других бабушки и дедушки, приезжающих раз в месяц с фундуком в сахаре и марками для пополнения коллекции. Из Черкизовского пруда, где зимой можно кататься на лыжах и санках, а летом ловить бычков. Из папиной коллекции пластинок, целиком состоящей только из классической музыки. Из альбомов с репродукциями живописи. Из немецкой железной дороги. Из поездок на Волгу или Рижское взморье. Из скромного, послушного, осторожного, хотя и непоседливого и не в меру любопытного мальчика, носящего во дворе прозвище «солдат брызгалка». Мальчика, окруженного любовью и заботой и при этом отнюдь не избалованного. Мальчика очень домашнего, впервые за десять лет своей жизни на

целый месяц отправленного в Пионерский Лагерь, и там, – в Пионерском Лагере этот испуганный мальчик вдруг слышит песню, с которой у него начинается долгий путь к творчеству и, в конечном итоге, к себе.

*«Случилось так, что небо было сине и бездонно,
И легкий ветер по морю гнал мелкую волну,
И был корабль полон и друзьями, и знакомыми,
И путь держал в далекую страну.»*

В год рождения «Машины Времени»

...Я бегаю по времени, как футболист по футбольному полю, гоняя мяч воспоминаний, но всё же сохраняю общее направление вперёд...

В этой книге собраны стихи и житейские истории, написанные или описанные мной – Михаилом, а лучше коротко, – Мишей Мазелем.

Моё творчество, вошедшее в эту книгу, так или иначе связано с творчеством Андрея Макаревича, с творчеством группы «Машина Времени» и с «Оркестром Креольского Танго»... но книга эта не о них, а обо мне.

Так получилось, что я иду по жизни, взрослею, творю, люблю, ищу, грущу, отчаиваюсь и надеюсь ... с творчеством этих людей в глубине моей души. Оно очень часто поддерживает и спасает в трудные моменты жизни.

Конечно, я живу отнюдь не одним их творчеством. Я (хочется верить) разносторонний товарищ. Я слушаю Баха и Вивальди. Бетховена и Шуберта. Брамса и Чайковского. Шостаковича и... И Окуджаву. И Высоцкого. И Галича. И эстраду. И оперу. И оперетту... И всё же...

У меня есть цикл стихотворений и эссе «Мои любимые барды». У меня есть цикл стихотворений о классической музыке. Цикл о театре и кино... Эта книга – продолжение ряда. Костяк её собран пять лет назад и выложен на моём сер-

вере в виде веб-проекта, созданного к сорокалетию «Машины» (не удивляйтесь частому упоминанию слова «проект» в тексте).

Эту книгу я хочу посвятить сорокапятилетию группы.

Эта книга отличается от веб-проекта и порядком произведений, и оформлением моих воспоминаний, и тем, что я добавил в неё много новых стихотворений и воспоминаний и ремарок к ним. (Книга писалась 5 лет 2009—14 гг.)

Повторюсь. Вы не найдете в этой книге материалов из жизни Андрея Макаревича: она – обо мне и моём поколении. О поколении, чьё детство выпало на семидесятые и чей путь совпал во времени с путём «Машины Времени»

Именно из песен «Машины Времени» в моё детское сознание впервые вошли такие понятия как разум, вера, время, надежда, дорога, дом, ответственность, одиночество и любовь. Просто я услышал их в нужное время, взял с собой в дорогу и не расстаюсь. Они говорят со мной, а я с ними.

Эта книга носит название «Монологи» (не «диалоги»). Конечно, «разговор» в ней присутствует, и всё же эта книга называется «Монологи с Макаревичем».

Имеет смысл читать эту книгу подряд, поскольку эта книга – дорога. *В добрый час, друзья!*

Там где

Я путь держал в далёкую страну,
названия которой нет на карте.
Стараясь не глядеть себе в корму,
я уверял, что дело не в азарте,
и продолжая верить праотцам,
я нагло рушил веры постулаты
(при этом ничего не порицал,
как и не проявлял любви к театру).
Но в том и состоялся парадокс,
что не найдя страны, – нашёл я многое.
Как перекрёсток распустился флокс,
когда я слился с новой дорогою.
Я плакал, если мир опять мельчал:
случалось и такое очень часто.
Но если уменьшался вновь причал, —
я снова верил в призрачное счастье,
и в то, что где-то люди сеют свет
и где-то есть ещё... которым надо.
Наш мир театр? Парадоксов нет?
Я снова там, где звёзды, как гирлянды.

11 декабря 2013 года

Правильное одиночество

Удивительное дело. Я об этом подумал совсем недавно. Именно подумал, а не вспомнил. Тогда, в далёком 1977-м, когда я впервые услышал «Машину Времени», я сразу решил, что поют они для меня. Ну или, что я один из немногих, кто по-настоящему понимает и любит их творчество.

Не могу сказать, что я считал это моё отношение к «Команде» эксклюзивом. Нет: собственнического акцента в этом детском увлечении (влечении) не было, но ревность к тому, что кому-то они тоже нравятся, – была. Хотя много лет я никого не спрашивал об отношении к Андрею Макаревичу и другим музыкантам группы, которых в те годы и по именам-то ещё и не знал.

Вне всякого сомнения, я спрашивал у папы. Папа был настоящим меломаном, даже – филофонистом. У него была коллекция классики на виниле и бобинах – много тысяч пластинок и сотня катушек. Я знал от взрослых: от мамы и друзей нашей семьи, что мой папа (талантливый физик, инженер разработчик полупроводниковой техники) – глубокий знаток серьёзной музыки.

Видимо, «Машина Времени» не относилась к таковой. Папа про неё не знал. Обычно я всегда прислушивался к папиному мнению. Он, безусловно, был для меня авторитетом. А как могло быть иначе? Папа знал ответы на все (без

исключения) вопросы. Но в ситуации с «Машиной», я, впервые, внутренне был не согласен с тем, что папа про неё не слышал. Его незнание не стало для меня поводом не думать об услышанных в пионерлагере песнях.

Два года я «единолично владел» секретом о «Машине Времени», пока на дне рождения товарища (его папа – в прошлом студент – дипломник, а потом и друг моего) в ответ на мой рассказ об «эксклюзивной любви», не сообщил с некоей гордостью, что у него есть упомянутые записи. (Этой истории я посвятил отдельную главу).

Я хочу *подчеркнуть* моё недавнее открытие. Открытие того, что «Машина времени» в десятилетнем возрасте была моей сокровенной тайной, а если и не тайной, то чем-то иным, но однозначно сокровенным.

Короли и капитаны, корабли, воздушные замки и дом. Дом... Дом и дорога. Может отсюда корни моего романтизма? Романтизма и ... одиночества. «Правильного одиночества».

«Правильное одиночество»?

Именно так – моё второе открытие, сделанное буквально вчера (*прим. Июль 2014*). Вчера я переслушивал «Хрустальный город» – песню, напугавшую меня в детстве и полюбившуюся в юности до затириания пленки до дыр.

Надо ли всё раскладывать по полочкам? Не знаю. Чувство на то и чувство, что оно относится к аналоговым категориям и... дискретизировать его занятие пристрастное. Но с другой

стороны, причинно-следственные связи побуждают к анализу, а анализ стимулирует мыслительные рефлексy, которые, в свою очередь, пробуждают чувства.

Одиночество бывает разным. Бывает страшное одиночество, когда рядом нет ни родных, ни друзей, ни даже мало-знакомых людей – людей, с которыми можно просто обмолвиться парой слов. О таком одиночестве просто задумываться – невмoгoту.

Есть одиночество в кругу... Такое одиночество ещё страшнее.

Но случается и правильное одиночество. Я не стану его определять. Я лишь слегка обрисую его. Правильное одиночество – выбор дороги, на которой принимать решения, любить и страдать приходится только тебе, но при этом выбор твой – осознан, и только вечные друзья-враги (соратники-соперники) «Знаю» и «Верю» подгоняют тебя на этом пути.

Свободен – значит одинок,
не парадокс банальный выбор...

Эти мои строки из посвящения барду Евгению Клячкину удачно ложатся в мой сегодняшний монолог.

«Знаю» и «Верю».

А между ними дорога правильного одиночества, ведущего к мудрости, и, хочется в это верить, – любви.

Страх отступил. Осталась улыбка. Улыбка и желание ис-

кать.

*«Когда я просто улыбался,
То улыбался мне весь город,
И если я кивал кому-то,
То все кивали мне в ответ.»*

Кто знает, возможно, именно эти строки подсказали мне мои:

Я говорю о многом, улыбаясь,
скрывая нерешительность и грусть,
скрывая, что всё также сомневаюсь...
Кажусь Вам несерьезным?.. Ну и пусть.

И потому я, плача улыбаюсь.
Смеюсь – порой с грустинкою хмельной.
Я многого, увы, не понимаю.
Но поиск – путь. Я вас зову со мной.

Вы вправе спросить, неужели не услышь я в детстве песни Андрея Макаревича, я не стал бы лирическим поэтом, романтиком, правильным одиночкой? А я вам отвечу как на духу – не стал бы.

Окуджава? Очень повлиял. Городницкий? Повлиял. Пушкин и Лермонтов (так между делом) – для общего развития и понимания того, что есть настоящая литература и того, в чём тайно-явное величие русского языка. Но «желание писать»

пришло именно с песнями и из песен «Машины Времени». Именно они стали путевыми вехами.

Да и само слово «путь» однозначно ассоциируется с Андреем Макаревичем и ни с кем иным. Путь от двери до двери. Путь меж «знаю» и «верю».

*«И своё формируя сознание,
С каждым днем, от момента рожденья,
Мы бредем по дороге познания,
А с познанием приходит сомнение»*

Не сгоряча

Смотреть на мир ушами скрипача
и вслушиваться зреньем живописца.
Как хорошо страдать не сгоряча,
и понимая, что не повторится...
счастливым быть, а значит *печатлеть*
и не упрятывать за скрепами печатей.
И если не сгореть, – упрямо тлеть...
Надеяться не веря в *непочатье*.

Вдохнув парфюм асфальта с сургучом,
храня любовь в дорожной перфоленте,
придя задуматься и дверь открыть ключом.
Спасибо, что я не индифферентен.
Ах ключ... Ах дверь... Ах детские мечты.
Прощания – начала возвращений.
Нам меж объятий девственной четы,
(меж «Зна» и «Ве») не мыслить о прощеньи.

Возможности простых пожатий плеч,
куда обширнее тоски с её изыском.
Ведь обращённого не может не припечь.
А для сравнения нужна лишь тень на риске.
Мы так слабы, но не про то печаль:
(пусть не во времени) приходит всё к началу
игры... Не сгоряча сорвав печать,

смотря и слушая мы держим путь к причалу.

18 июня 2014 года

Спасибо, что я не индифферентен. Спасибо, что услышал слово «путь» в начале пути, спасибо, что задумался, спасибо, что бреду дорогой правильного одиночества не сгоряча. Спасибо за песни. Спасибо за сомнение.

Уфф.

Поблагодарил.

Самое время вернуться на станцию «1977-й год» и продолжить монолог оттуда, когда *всё начиналось*, когда я считал «Машину» своим эксклюзивом и ревновал к плохим длинноволосым парням, с «Весной» на плече и не любил эту песню именно потому, что её слушали «плохие» парни. Не смейтесь – я был маленький и наивный. Я счастлив, что помню это, помню, как всё начиналось (для меня). Я счастлив, что могу поделиться этим с вами.

Что-то ещё?

Самая малость. Не могу не отметить, что у моей «истории» два начала. Начало «любви» и начало «монологов», и я не могу не рассказать о втором. Совсем немного. Всего несколько страниц затянувшегося, но необходимого вступления, и тогда уже ничто не задержит отправление поезда.

О снах и о волнах

*«Ночью нам дарован покой,
А днем, на беду, не спится»
Андрей Макаревич*

Лунный свет по земле расплескался
и в волшебном таинственном сне
на обрывках бумаги остался
снегом, выпавшим вдруг по весне.
Все проходит: обиды и дружба,
даже ночи безумной любви.
Как немного для счастья нам нужно —
только тихо его позови.
Мы, как дети, наивно моргаем
в приближении нового дня.
А волна на волну набегая,
в океан убегает маня.

Так в копилку пути собирает,
удивляясь что каждый тернист,
и о Гамлета роли мечтает
бессловесный с подносом статист.
Под усеянный звёздами купол
нитью тянется каждая роль
из волшебной коробки для кукол:
рядом там и поэт, и король.

Там навстречу идущий прохожий
и гудки безобидных машин
слились в день на вчерашний похожий...
Как во сне, мы куда-то спешим.

А потом после праведной спячки,
как броню равнодушьё храня,
мы своих настроений не прячем,
бога с чёртом в чём-то виня.
Где же суть? Я не знал и не знаю —
строчки песни порой не ясны...
Только каждую ночь призываю
до обидного чистые сны.
В них друзья за столом веселятся,
в них любимые преданы нам...
Но – судьбы беспокойной скитальцы —
мы на волю отдались волнам.

Сентябрь-октябрь, 1990

Засияет месяц в облаках

Прошло без малого 25 лет (*на июль 2014 года*), а я помню, как именно и при каких обстоятельствах сочинял это стихотворение. Я практически, (если прикрыть глаза) могу вспомнить мои ощущения, звуки и запахи. Речь, конечно же, не об одном дне – о неделях и даже месяцах.

Мне немного горько их вспоминать. Одного из тех друзей, кто был рядом со мной тогда, полгода как нет на этом свете. Но даже через эту боль и грусть я помню гордость за эти строки.

Я нумерую свои стихи. Не для издания, а для себя. По началу, когда стихов было всего ничего, эта нумерация помогала мне ориентироваться. Спустя десять лет, – выбирать стихотворения для моих первых арт-проектов на интернете. Потом это была уже инерция. В сборниках, которые я издаю, – её нет. Я совершенно точно помню, что начал нумеровать стихи, имея за душой не более дюжины, собезьянничав... с издания стихотворений Осипа Мандельштама. Не знаю, нумеровал ли их он сам, или это сделал издатель книги (одной из первых книг *погибших поэтов*, изданных в перестройку).

Это моё девятнадцатое, согласно хронологии, стихотворение. Но из предыдущих восемнадцати я допустил к печати только два. И фактически, это моё третье стихотворение.

Я очень и очень бережно вынашивал его. Очень долго и

осторожно подбирался к нему. И, решая о чём я хочу писать, однозначно выбрал посвящение Андрею Макаревичу. По большому счёту я сам придумал для себя тест на «вшивость». Если бы я его не прошёл, то пожалуйста поверьте, я бы не писал сейчас этих строк. Я бы никогда не состоялся как поэт и творческая личность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.